

ПРОФСОЮЗНЫЙ ЖУРНАЛ

№2 (048)
2021

16+

Непокоренный профцентр

Лидер DISK Арзу Черкезоглу
о борьбе в условиях пандемии

Год спустя

Казалось бы — всего год назад мир начал погружаться в ковид. И еще было неясно: надолго ли и в каких масштабах сократится экономическая деятельность? Много ли людей умрет? (А некоторые прогнозы были ужасающие.) Никто не предполагал, что потеря рабочих мест коснется десятков миллионов. И что это будет связано не с автоматизацией и роботами, а просто с радикальным расширением новой (старой) формы работы, которая из устаревшей надомной вдруг станет модной удаленной. С одной стороны, начали говорить, что столько рабочих рук не нужно. А с другой — что на пустые рабочие места не хотят идти из-за низких зарплат и потому-де нужно срочно завозить дешевую иностранную рабочую силу.

Короче говоря, за год выяснились банальные вещи, в принципе и до того известные. Что человечество если и вымрет, то не в этот раз. А вот последствия придется, как обычно, мучительно ликвидировать. Или бороться с ними. Или смириться. Если год назад казалось, что власти корпораций и глобализации приходит конец, то теперь выяснилось, что новые корпорации — уже не производственные, а IT — готовы занять место мировых руководителей и контролеров человечества. И в этом смысле сегодня никто — ни государство, ни общество, ни бизнес, ни профсоюзы — не понимает вполне перспективу развития (или деградации). И никто не чувствует себя в безопасности.

Очень опасное сочетание.

Александр Блок актуален, как обычно: *“Неслыханные перемены / Невиданные мятежи”*.

Александр ШЕРШУКОВ

«Профсоюзный журнал»
распространяется
в Государственной Думе,
Общественной Палате
и Правительстве РФ

«Профсоюзный журнал»
№ 2 (48), 2021 год

Учредитель — ООО «Редакция газеты
«Солидарность»»

Над номером работали:

Александр ШЕРШУКОВ — шеф-редактор
Полина САМОЙЛОВА — редактор
Сергей МАЙМАСОВ — бильд-редактор
Любовь ЛУНЕВА —
литературный редактор
Наталья СИМОНОВА — корректор
Ирина НАУМОВА —
дизайн-макет, верстка
Михаил КОМАГОРОВ — препресс
Дмитрий ПЕТРОВ — художник
Николай ФЕДОРОВ — фотограф
Камиль АЙСИН, Наталья КОЧЕМИНА, Юлия
РЫЖЕНКОВА, Александр ЦВЕТКОВ —
корреспонденты

Адрес редакции:

119119 Москва, Ленинский проспект, д. 42,
помещение Б
Телефоны: 8 (800) 777-84-26,
(495) 938-72-02
E-mail: info@solidarnost.org
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор),
регистрационное свидетельство
ПИ № ФС77-70529 от 10 июля 2017 года

Подписной индекс:

Каталог «Почта России» ПА543
Оформление редакционной подписки
(495) 938-72-07
e-mail: sales@solidarnost.org

Руководитель отдела распространения
Елена МНАЦАКАНОВА

По вопросам размещения рекламы
обращаться по телефону:
(495) 938-72-07

Отпечатано в соответствии с предоставленными
материалами в ООО «Тверская Фабрика Печати»
170006, г. Тверь, Беляковский пер., 46
www.t-f-p.ru
Тираж 1650 экз.
Заказ № 1902

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются

Перепечатка материалов возможна только
с согласия редакции
При перепечатке ссылка на
«Профсоюзный журнал» обязательна

ПЕРСОНА

Выбрать дорогу

Неформальное интервью с Владимиром
Ломакиным, председателем Общероссийского
профсоюза работников автомобильного
транспорта и дорожного хозяйства.

стр. 4

ПРОФСОЮЗЫ ЗА РУБЕЖОМ

Фронты, репрессии и «Хирак»

История о том, как профсоюзы Алжира
помогли построить независимое государство,
но теперь борются с этим государством
за собственную независимость.

стр. 14

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Болезнь рабочего класса

Арзу Черкезоглу, глава турецкого
профобъединения DISK, рассказала,
как сейчас турецким профсоюзам приходится
одновременно сражаться за здоровье
работников во время пандемии и за их рабочие
права в условиях давления со стороны
государства.

стр. 26

ГРАНИЦЫ ВОЗМОЖНОГО

Протест — дело креативное

Обзор разнообразных форм социального
протеста, применяемых вместо традиционных
забастовок и митингов.

стр. 36

ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ

Забывтый реформатор

История Льюиса Хайна, американского
фотографа, который первым показал миру
детский труд как уродливое социальное
явление.

стр. 42

Выбрать дорогу

Он родился в двух шагах от Красной площади. В пять лет уже стал уличным музыкантом. Мечтал об археологических раскопках и египетских гробницах, но выбрал дороги и автомобили России. На вопросы журнала ответил председатель Общероссийского профсоюза работников автомобильного транспорта и дорожного хозяйства Владимир ЛОМАКИН.

АККОРДЕОН И БРЮКИ КЛЁШ

— Владимир Владимирович, вы коренной москвич?

— Да. Я родился на улице Пятницкой, в самом центре столицы. Но этот факт отнюдь не говорит о каком-то элитарном, что ли, происхождении. У нас была самая настоящая рабочая семья. Отец был столяром, мама трудилась паяльщицей на радиозаводе. Да и моя близость с Кремлем (*улыбается*) продолжалась недолго. Буквально через пару лет после моего рождения родители получили квартиру в районе стадиона «Динамо».

К тому же я настоящий советский «шестидесятник». Конечно, не в прямом значении этого понятия. Просто родился в 1959 году, и все мое детство как раз пришлось на шестидесятые годы минувшего века. То время в СССР осталось в истории как период расцвета романтики и открывшихся возможностей: вечные споры физиков и лириков, поэтические вечера в Политехническом музее, песни **Булата Окуджавы**. Будучи маленьким мальчиком, я этого, конечно же, не знал. Но ранние детские годы запомнились именно такими — вокруг были радостные люди, улыбки на лицах, звучащая в парках живая музыка и стихи... Да и я порой выступал в роли уличного музыканта.

— И где же, если не секрет, проходили эти концерты?

— Ну, концерты — это громко сказано. Скорее, так: я проходил вместе с мамой по улице и играл на аккордеоне. Мне было, помнится, лет пять или шесть.

— Завидное достижение для такого маленького мальчика.

— Дело в том, что мама очень хотела, чтобы я освоил именно этот инструмент. Однажды она приеха-

ла меня навестить в выездной загородный детский сад (в то время была такая замена пионерлагерю для дошколят). В тот день был концерт с участием родителей, и кто-то из них играл на аккордеоне. И маме очень захотелось, чтобы ее сын тоже играл именно на этом инструменте. Она отвела меня в Дом культуры насосного завода им. Калинина, и я научился. Вспоминается почему-то, как разучивал песню про белых медведей из популярного тогда фильма «Кавказская пленница».

Вот так я и стал «уличным музыкантом». И когда мы всей семьей выходили на массовые гуляния, мне приходилось играть на аккордеоне. Все прохожие нам улыбались: мол, такой маленький, а как умеет! Но были и настоящие, так сказать, официальные выступления. Я ведь не один занимался в ДК. Мы выступали в парке имени Горького, на каких-то других летних площадках. Потом, когда стал старше, пошел учиться в музыкальную школу, окончил ее, но, увы, музыкантом не стал. Да и аккордеон впоследствии сменила более романтичная гитара. Юность, знакомство с девушками, другое время...

— Родительское воспитание было строгим?

— Вы знаете, мои родители большую часть времени были на работе. Я даже не помню, чтобы были какие-то особенные моменты воспитания. В то время, как мне кажется, большинство мальчишек были предоставлены сами себе. Было воспитание в школе, ну а за ее пределами... Да все соседи знали нас, ребят, поименно. Всегда можно было зайти в гости — и чаем угостят, и накормят. Глядя со стороны, можно было бы сказать: какой ужас — дети предоставлены сами себе! А я вот не соглашусь. Все это, скорее, го-

ворит о нашей рано возникшей самостоятельности. Я, допустим, сам себе всегда галстуки гладил. А когда учился классе в пятом-шестом, в моде появились брюки клёш. Конечно, купить такую роскошь, да еще и для мальчика, было невозможно. Клинья в обычные брюки я шивал себе сам. Берешь, распарываешь шов, отглаживаешь и вшиваешь. И никакой швейной машинки не было, все вручную, иголочкой, стежок за стежком.

— Самостоятельность — это, конечно, хорошо. Но не отражалось ли отсутствие родительского контроля на учебе? Можно же было, наверное, и прогулять?

— Ошибаетесь. Без ложной скромности скажу, что с 1 класса был отличником. Потом, конечно, появились и четверки, но троек не было никогда! (*Улыбается*.) Если говорить о предпочтениях в предметах, то мне всегда больше нравились точные науки, те, где необходимо было найти решение. Математика, физика, астрономия. К тому же я сразу понял, что пропускать уроки, что-то недопонять — себе дороже. А так — пришел домой, быстро сделал задания, и остается больше времени на какие-то другие мальчишеские увлечения, встречи с друзьями.

Еще одна штука — это общественная нагрузка. Я не говорю о сборе макулатуры — эта обязанность была в советский период у всех. Но меня буквально с самых первых дней назначали на ответственные школьные должности. Сначала старостой класса, потом, в пионерском возрасте, — председателем совета дружины и членом районной пионерской организации. Так что при таком доверии со стороны педагогов и товарищей просто стыдно было бы проявлять безответственность.

*В шестимесячном возрасте с родителями.
На фото слева: в дошкольные годы
с любимыми игрушками.*

Но от мальчишества, конечно, никуда не деться. Жизнь в нашей школе была очень интересной. Помню, учитель по начальной военной подготовке организовал нам экскурсию в Белоруссию по местам боевых действий периода Великой Отечественной войны. Мы проехали всю республику — Ушачи, Хатынь, Минск, Витебск. Занимались раскопками, находили останки солдат, оружие военных лет. Я тогда домой привез настоящий порох. Потом, конечно же, решил проверить — отсырел или нет? Не отсырел (*улыбается*). А я чуть не лишился волос.

— **Вы жили неподалеку от стадиона «Динамо».** Такое соседство не может не повлиять на еще одну сторону мальчишеской жизни. Скажите честно, футболом увлекались?

*Занятия в музыкальной школе.
На фото справа: с одноклассником
на экскурсии в Ленинграде.*

— Конечно, как и мой отец! Мы вместе болели за нашу команду, радовались победам и сокрушались при поражении. А потом папа подарил мне мяч, и я пошел заниматься в спортивную секцию. А будучи учеником 10 класса, получил рекомендацию от заслуженного тренера СССР **Константина Бескова**, что мне стоит попробовать попасть в молодежную команду клуба. Речь идет, конечно же, о «Спартаке». Правда, о карьере футболиста я не мечтал никогда. Это была не моя стезя. А в остальном? Теннис, волейбол... А вот что не любил, так это плавание и лыжи! Лыж у нас дома не было никогда, не был приучен. А плавать я вообще научился только к тридцати годам. Заставил себя, потому что стыдно было перед друзьями во время отдыха на море.

Главное — попасть в вуз, который именно тебе нужен. Среди студентов Московского автодорожного института.
На фото справа: на военных сборах во время обучения.

ПРОСТОЙ ВЫБОР

— Не музыка, не футбол... Какая же профессия вас привлекала? В какой вуз хотелось поступить?

— Честно говоря, даже окончив школу, я не мог принять решения, так как каких-то особенных предпочтений не было. Какая в школе была профориентация? Спрос был на рабочие профессии. В последних классах школы мы все, как водится, занимались в учебно-производственных комбинатах, изучая какую-либо профессию. Я пошел на электромонтера по ремонту телефонов, решив, что это интересно. Так и вышло! Мы ходили по вызовам с настоящими работниками и даже сами что-то ремонтировали. Кстати, с тех пор мне не приходилось вызывать телефонного мастера домой — все мог починить сам. Пригодилось в жизни. Но вот куда идти учиться после окончания школы, я даже не знал.

Конечно, определенные мысли возникали. Но все это было несерьезно. Например, лет в 12–13 была

мысль стать археологом. Помню, на меня очень сильное впечатление произвела золотая маска Тутанхамона, которую в те годы привезли из Египта в столичный музей. Мне очень захотелось стать одним из тех людей, работа которых связана с такими вот находками. Я даже взял у родителей деньги и ездил по книжным магазинам в поисках детской энциклопедии по истории. Купил, кстати. Но моя учительница музыки, которой я рассказал о своей идее, сказала: «Ты понимаешь, что археолог — это человек, который не только раскопками занимается. Он должен хорошо знать историю». А этот предмет мне интересен не был, казался скучным. Так что мысль об археологии быстро растаяла.

— Что же в итоге определило ваш выбор?

— Все было очень просто. Мой друг пошел в Московский автодорожный институт. И я решил идти с ним, тем более что институт находился рядом со школой. Поступил на новый в

вузе факультет «Организация перевозок и движения», созданный бывшим ректором МАДИ Леонидом Леонидовичем Афанасьевым. Знаете, выбрав институт, в общем-то, случайно, я впоследствии понял, что попал именно в тот вуз, который мне был нужен. И до сих пор горжусь, что окончил именно Московский автодорожный. Помню, Леонид Леонидович говорил нам: «Ваши дипломы будут востребованы везде, потому что у вас дипломы МАДИ, а МАДИ — это фирма». И с этим девизом я иду по жизни.

— Вы рассказывали, что школьная жизнь была насыщенной. Наверное, в жизни студенческой приключений было не меньше?

— Когда я поступил в институт, мне, можно сказать, сразу пришлось стать взрослым. Я рано обзавелся семьей, и уже в мои 19 лет у нас с супругой родилась дочка. Так что песни под гитару, студенческие отряды и все остальные приключения прошли мимо меня. Конечно, нам с женой было очень непросто: два студента,

маленький ребенок. Но, во-первых, помогали родители, за что я им благодарен до сих пор. Во-вторых, мы нашли возможность подрабатывать на дому. Честно говоря, я точно не знаю, как супруга нашла эту работу, но мы с ней дома по вечерам шили наволочки. Деваться было некуда — нужно было растить нашего первого ребенка и учиться.

— **Была ли возможность выбрать место работы по окончании института? Какие были предложения?**

— По окончании МАДИ меня, новопеченного инженера по эксплуатации автомобильного транспорта, пригласили в профильный научно-исследовательский институт. Заманчиво, но вот заработная плата там была весьма невысокой. А мне нужно было заботиться о своей семье. Поэтому, когда поступило более, скажем так, привлекательное предложение от 23-го автокомбината «Мосстройтранса», я предпочел второй вариант. В то время на транспортных предприятиях повсеместно организовывались

отделы труда и зарплаты. Главный экономист нашего автокомбината решила, что новый отдел должен возглавить именно новый в отрасли человек — выпускник Московского автодорожного института. Выбор пал на меня.

— **Думаю, было непросто: только со студенческой скамьи — да сразу в руководители. Плюс — новое подразделение, работу которого тоже необходимо было организовать. Трудно было с подчиненными?**

— Я оказался в женском коллективе (*улыбается*). Представьте: 14 сотрудниц, все уже с опытом работы, да и с жизненным опытом — они были старше меня. Но приняли хорошо. Мне все рассказывали, объясняли, советовали. Понимаете, на каждом предприятии свои устои, документы, даже место, где лежат эти документы, форма общения — все это мне предстояло понять. Вот в этом была основная сложность. И еще одна, чисто житейская. На работе нужно было оказаться ровно в 8:00, а жили мы

достаточно далеко от автокомбината. Так что после определенной вольницы пятого курса трудно было привыкать к жесткому рабочему ритму. А когда привык, сразу активно включился в общественную жизнь предприятия.

— **Так уже тогда вы начали заниматься профсоюзной работой?**

— Нет, меня включили в комитет комсомола автокомбината. Мы занимались делами молодежи. К примеру, среди наших работников было немало ребят приезжих, которые жили в общежитии. В основном одни парни. Дом и работа — скучно же. А вот рядом была швейная фабрика «Большевичка», где работали одни девчонки. По предложению нашей комсомольской организации мы стали организовывать совместные мероприятия, проводили разные конкурсы. Что еще? На автокомбинате работал олимпийский чемпион, футболист **Анатолий Масленкин**, был нашим физкультурным организатором. Мы устраивали футбольные турниры между автоколлективами.

*С коллегами. Первое рабочее место.
На фото слева: со старшей дочерью Леной.*

НЕ ДОЖИДАЯСЬ ДЕВЯНОСТЫХ

— Профсоюзная работа в моей жизни появилась только через пять лет. Конечно, с профкомом нашего автокомбината мы сотрудничали очень тесно. Это и согласование актов, касающихся нормирования труда и заработной платы, и участие в работе комиссии по трудовым спорам, действующей на нашем автокомбинате. Работал я и с городским комитетом профсоюза, организуя социалистические соревнования на предприятии. А вот о деятельности высшего эшелона, так сказать, имел весьма слабое представление. И вдруг после очередной профсоюзной проверки предприятия раздаётся телефонный звонок: меня пригласили на работу в Центральный комитет профсоюза. Оказалось, что

*Митинг против роста цен на топливо, 2011 год.
На фото внизу: музыкальная пауза в работе ЦК профсоюза, 2005 год.*

профсоюзный проверяющий, а он был представителем именно ЦК, рекомендовал именно мою кандидатуру. Я подумал и решил согласиться.

— **И с тех пор вы занимались только профсоюзной деятельностью?**

— Да. В 27 лет я начинал как инструктор ЦК профсоюза. Честно говоря, когда я впервые пришел на эту работу, мне показалось, что по сравнению с предприятием жизнь здесь как будто остановилась. И на первых порах на партийных собраниях мне очень хотелось выступить и сказать: «Что мы так медленно все решаем! На дворе — перестройка, такие перемены в стране, пора и нам ускоряться». А потом, когда разобрался, понял: работы хватает. На каждого сотрудника аппарата постоянно приходилось по 10–15 жалоб, которые необходимо было разобрать, вникнуть с точки зрения законодательства, общаться с руководителями предприятий, специалистами отраслевого министерства и Госкомтруда.

То есть велась ежедневная кропотливая работа, результатом которой была помощь отдельному работнику или целому коллективу.

— **За годы в Центральном комитете вы, наверное, успели поработать на разных должностях.**

— И не только должностях, но и в разных профсоюзах, если можно так сказать (*улыбается*). Вы же знаете, какие перемены происходили в профсоюзной структуре на рубеже 80–90-х годов. Только в 1990 году был создан Совет председателей нашего профсоюза по РСФСР. Туда меня пригласили на должность заведующего отделом, а через пять лет я стал заместителем председателя профсоюза. Это, пожалуй, было самое трудное время как для работников отраслей, так и для профсоюзных работников. Проще говоря, и у тех, и у других были серьезные проблемы с заработной платой. Но и об уходе я не думал. Большинство моих друзей занимались каким-либо бизнесом, но я точ-

но знал, что это не мое. К тому же работа в профсоюзе мне нравилась. И пусть она не всегда должным образом оценивается, но я уверен, что без профсоюзного представительства жизнь наемного работника была бы гораздо труднее.

— **В 2013 году вы были избраны председателем профсоюза работников автомобильного транспорта и дорожного хозяйства? Вы шли на выборы с какими-то определенными идеями? Что удалось реализовать?**

— Все свои идеи, все свои предложения по изменениям в нашей работе я всегда выносил на обсуждение с коллегами. Благо за столько лет профсоюзной деятельности таких возможностей у меня было достаточно. Когда меня избирали, у меня не было оснований сказать, что наша работа никуда не годится и мы теперь будем жить и трудиться по-новому.

— **А на данном этапе, как вы считаете, что наиболее важно для профсоюзов?**

В составе профсоюзной стороны на заседании Российской трехсторонней комиссии. На фото слева: профсоюз отмечает 100-летний юбилей.

— Самое главное — добиться сохранения уважительного отношения в обществе к человеку труда, его социальной защищенности, а для этого надо укреплять доверие людей к профсоюзам. Необходимо донести до работников, для чего нужны профсоюзы. А для того, чтобы это понимание возникло, люди должны знать о конкретных результатах нашей работы. Например, все, наверное, знают о проблемах, которые возникли в различных отраслях после вступления в силу закона о специальной оценке условий труда. И каждый профсоюз, и ФНПР добивались внесения изменений в этот, я считаю, крайне недоработанный документ, лишивший многие категории работников прежних гарантий и льгот. Если говорить о профсоюзе работников автомобильного транспорта и дорожного хозяйства, то нам удалось добиться установления определенных отраслевых критериев при прохождении СОУТ. Это позволило, в частности, подавляющему большинству работников

городского пассажирского транспорта восстановить свое право на льготную пенсию.

А еще — с людьми надо работать. И не из кабинета, а в непосредственном общении, на собраниях трудовых коллективов. Человек должен видеть, что профсоюзы занимаются действительно важными для него вопросами. И каждый работник — не просто наблюдатель, а участник этого процесса.

ЗА КАДРОМ

— Владимир Владимирович, хотелось бы задать вам еще несколько вопросов личного характера. Расскажите, чем вы любите заниматься в свободное от работы время?

— Я очень люблю фотографировать. Поэтому у меня личных фото не так много, я всегда за кадром. Люблю фотографировать людей. Мне всегда очень нравилось, когда на бумаге появляется изображение, и ты можешь сам его формировать: эта деталь должна появиться или она должна быть затемнена, к примеру. Мне нравится изобретать.

Люблю что-то мастерить своими руками. Например, сам делал мебель у себя дома. А сейчас занимаюсь устройством дачи. Кое-что приходится постигать — допустим, настилку полов или как лестницу на второй этаж соорудить. К сожалению, сейчас на это увлечение практически не остается времени, как и на многие другие, даже гораздо более важные составляющие моей жизни.

— Вы говорите о семье?

— Конечно. У меня четверо детей и семеро внуков. И мне очень хочется, например, каждый вечер читать внучке книжку. Но, увы, получается не так часто, так как приезжаю я позднее, чем она ложится спать. Понимаете, счастье для меня — чтобы самые близкие были рядом и были здоровы и счастливы: моя жена, дети, внуки. Чтобы как можно дольше была жива мама. Мне очень хочется, чтобы все они радовались, когда находятся рядом со мной.

Наталья КОЧЕМИНА

Фронты, репрессии и «Хирак»

**Как рабочее движение помогло создавать Алжир
и продолжает его менять**

Алжир — страна нефти, газа, пустыни, французского наследия и тяжелых конфликтов не слишком давнего прошлого. Профсоюзное движение когда-то сыграло важную роль в становлении независимого алжирского государства. В наши же дни эта страна считается местом, где независимая профсоюзная деятельность требует большой смелости.

Фото: Anis Belghoul / AP / TACC

Весной 2019 года под давлением уличных манифестаций ушел с поста 82-летний президент Алжира **Абдель Азиз Бутефлика**, правивший 20 лет. В начале 2000-х годов он смог завершить кровавый период «черного десятилетия» в истории своей страны — гражданской войны с исламистским подпольем.

Представитель поколения, которое боролось за независимость Алжира от Франции, он удержался и во время волны арабских революций 2010–2011 годов, потрясших Тунис, Ливию и Египет. Президент пошел навстречу требованиям улицы и провел несколько назревших реформ. Но после перенесенного в 2013 году инсульта Бутефлика правил страной из инвалидной коля-

ски, а под конец практически перестал появляться на публике. Когда же стало известно, что президент, чья дееспособность вызвала обоснованные сомнения, будет баллотироваться в пятый раз, в крупных городах страны начались массовые уличные акции протеста. «Арабская весна», когда-то задевшая Алжир по касательной, вернулась сюда второй волной.

Военные, основа политической элиты Алжира и «ночные сторожа» государства, сориентировались быстро и взяли инициативу в свои руки. Глава Генштаба **Ахмед Гаид Салах** выступил против нового выдвижения президента, который во время регистрации кандидатов находился в женевской больнице. В апреле 2019

года официально было объявлено об уходе Бутефлика. Осенью 2019 года президентом стал 74-летний **Абдельмаджид Теббун**, но уличный протест это не остановило. В уличное движение (по-арабски — «Хирак») влились самые разные группы алжирского общества. Явных лидеров у улицы не было. С самого начала заметное участие в протестах стали принимать и профсоюзы.

В Алжире, стране с долгим опытом однопартийного устройства под знаменами «арабского социализма», чувствуется четкий водораздел между профсоюзами «традиционными» и «новыми».

Исторический профцентр Алжира — Всеобщий союз алжирских трудящихся (UGTA) — когда-то был

Фото: Ammi Louiza / ABACA / TACC

В протестах начала 2019 года в полной мере поучаствовали и профсоюзные активисты страны. На фото слева — медицинские работники уверены в том, что политическую систему страны необходимо «продезинфицировать».

создан ради поддержки антиколониальной борьбы против Франции и до сих пор сохраняет в стране привилегированное положение и тесную связь с правящими элитами. Остальные профсоюзы ведут родословную со времен политической «перестройки» в Алжирской народно-демократической республике, то есть с конца 1980-х — начала 1990-х годов. Уличное движение массово поддержали именно они.

У профсоюзов для участия в движении был собственный резон. Алжир давно подписал основополагающие конвенции МОТ и на бумаге гарантирует права рабочих организаций. Вместе с тем рабочий активизм остается там трудным, а подчас и опасным делом. Неудобным профорганизациям

годами отказывают в госрегистрации, власти и администрация предприятий вмешиваются в их работу, а активисты подвергаются увольнениям, арестам и преследованиям.

В 2020 году, на фоне продолжающегося в стране политического кризиса, крупнейшие глобальные профобъединения, в том числе Международная конфедерация профсоюзов, объединение IndustriALL и ряд других международных профструктур, призвали МОТ «срочно вмешаться в ситуацию в Алжире».

«Профсоюзные активисты, — говорится в совместном заявлении международных профцентров, — вынуждены противостоять двойным нападениям — их репрессируют за осуществление права на свободу объ-

единения, закрепленного в конвенциях МОТ, и преследуют за участие... в движении «Хирак»...»

ИСТОКИ

Участие профсоюзов в политической жизни Алжира — давняя традиция, как и сама история рабочей самоорганизации в этой стране.

К концу XIX века Алжир, захваченный Францией в 1830–1850-е годы, слыл самой европеизированной ее колонией на североафриканском берегу. Переселенцы европейского происхождения, прозванные «пье-нуарами» («черноногими»), составляли большинство в городах побережья и 10–15% от всего населения страны. Они, собственно, и создавали в Алжире первые профсоюзы.

*Сторонники независимости страны.
Фотография рубежа 1950–1960-х годов.*

Во второй половине 1930-х годов левое правительство Народного фронта во Франции отменило унижительный для алжирских мусульман запрет на объединение в союзы. Численность «алжирской секции» CGT перед войной стала расти как на дрожжах и вскоре превысила четверть миллиона человек...

РАБОЧИЙ ВОПРОС — ИЛИ ВОПРОС НАЦИОНАЛЬНЫЙ?

Даже накануне Второй мировой войны немногие думали, что вскоре в стране начнется жестокая и кровавая антиколониальная борьба. После германской оккупации Франции в 1940 году магрибские мусульмане составили немалую часть сил «Сражающейся Франции» генерала **де Голля** и считали, что заслужили право на политическую самостоятельность. В Алжире в день победы над нацистской Германией, когда алжирские националисты в городе Сетифе вышли на праздничные демонстрации под национальным флагом с полумесяцем, солдаты открыли огонь на поражение. Жестокость военных спровоцировала мусульман на кровавые погромы европейцев и евреев. Французские власти привлекли танки, авиацию и даже итальянских военнопленных. В районах, где вспыхнуло восстание, произошла планомерная бойня арабского и кабийского населения, в ходе которой погибло до 40 тысяч человек.

Французские профсоюзы проявили нерешительность, когда дело дошло до осуждения бойни, и эта нерешительность станет для алжирского профдвижения судьбоносной. Арабы и кабилы стали массово покидать CGT.

Сторонники алжирского самоопределения на тот момент не были единой группой, и в 1950-х годах были созданы три конкурирующие друг с другом «национальные» профсоюзные организации, тяготевшие к разным политическим силам. Но в 1954 году на первый план в алжирском национальном движении вышел радикальный **Фронт**

С 1898 года в Алжире действовали отделения французской **Всеобщей конфедерации труда (CGT)**, левого классового профсоюза, созданного в метрополии тремя годами ранее. Арабы и кабилы, коренное население Алжира, доступа в эти организации поначалу не имели. В CGT не было этнического ценза — однако во Французском Алжире действовала правовая сегрегация, отчасти напоминая позднейший южноафриканский режим апартеида: для мусульман существовало «туземное» законодательство, запрещавшее им членство в союзах и ассоциациях.

В материковой же Франции дискриминационные законы не действовали. Перебираясь в метрополию в поисках работы, мигранты из Магриба вливались все в ту же CGT, а заодно — в левое политическое движение.

В 1926 году член французской компартии, уроженец алжирского города Тлемсен **Ахмед бен Мессали Хадж** создал организацию «Североафриканская звезда», призвав рабочих-магрибинцев бороться за свои «материальные, духовные и социальные интересы». Позже Мессали Хадж станет одним из лидеров алжирского националистического движения.

национального освобождения (FLN). Он объединит большинство националистических и революционных групп Алжира и начнет вооруженную борьбу с французами.

В феврале 1956 года при поддержке Фронта был создан **Всеобщий союз алжирских трудящихся (UGTA)**, который на долгие годы станет главной и единственной рабочей организацией Алжира. UGTA наладил контакты с Международной конфедерацией свободных профсоюзов (соперницей просоветской Всемирной федерации профсоюзов). В Алжире UGTA начал устраивать политические забастовки и манифестации в поддержку Фронта и независимости Алжира. Французские власти ответили арестами профсоюзных активистов. Первый руководитель UGTA **Айссат Идир** в 1959 году скончался от последствий пережитых в тюрьме пыток.

«Забастовки рабочих, служащих и торговцев, уход в отставку алжирцев — членов различных выборных учреждений... бегство алжирских футболистов из клубов Франции, бойкот табака и вина, саботаж на линиях связи, стачка студентов и школьников в 1956 году — все эти меры... создали совершенно нетерпимый моральный климат в стране», — констатирует российский востоковед **Роберт Ланда**.

В отличие от других колониальных владений Франции в Северной Африке, Алжир имел статус неотъемлемой группы департаментов Франции. Более миллиона «пье-нуаров» за несколько поколений крепко вросли в алжирскую землю, считали ее своей родиной и отрез отказывались ее покидать.

Антиколониальная война быстро приобрела крайне жестокий характер — обе стороны запятнали себя большой кровью. Наряду с партизанскими операциями против армии и жандармов боевики, подконтрольные Фронту, уже в самом начале войны устроили террор мирного европейского населения и сочувствовавших им мусульман. Французские солдаты и отряды милиции колонистов не оставались в долгу, отвечая бессудной «охотой на людей», арестами, пытками арестованных, карательными операциями.

Профсоюзы Алжира: страницы истории

«Восьмидневная забастовка» 1957 года

28 января 1957 года в Алжире по призыву Фронта национального освобождения была организована знаменитая восьмидневная политическая забастовка, приуроченная к рассмотрению алжирского вопроса в ООН. На работу отказались выходить врачи и учителя, персонал кафе, горничные, работники транспорта. Закрылись лавки и магазины.

Стачка проходила в условиях военного положения, введенного французскими властями. Чтобы обеспечить функционирование инфраструктуры, солдаты начали силой конвоировать работников-мусульман на службу; владельцев лавок принуждали открывать их насильно. Алжирцев буквально вылавливали в толпе и направляли на общественные работы. Забастовка продлилась до 4 февраля, восемь дней, и хотя ООН все же признала Алжирский кризис внутренним делом Франции, стачка оказала большое влияние на восприятие алжирских событий за рубежом.

Участники «восьмидневной забастовки» на улице одного из городов тогда еще французского Алжира. Хотя акция и привлекла внимание мировой общественности, но в итоге решающий вклад в обретение независимости внесла вооруженная борьба.

Завершить войну, унесшую жизни 1,5 млн (!) алжирцев, удалось вернувшемуся к власти во Франции генералу де Голлю. Соглашения, подписанные в 1962 году в курортном городке Эвиане, гарантировали Алжиру право на самоопределение.

ПОД РУКОВОДСТВОМ ЕДИНОЙ ПАРТИИ

Независимый Алжир возглавил один из лидеров Фронта, **Ахмед Бен Белла**. «Государственной власти практически не существовало, — описывал он состояние страны после войны. — Администрация постепенно

распадалась. Повсюду царила анархия... Большинство земель, ферм, виноградников было заброшено. Не работали промышленные и торговые предприятия. Почти все строительные работы были прекращены... обширный сектор алжирской экономики оказался оголен, так как собственники и управляющие различных его предприятий, в большинстве европейцы, бросили их и покинули страну».

Европейцы понимали, что выбор перед ними после окончания войны встал простой — «чемодан или гроб». Пример был перед глазами: в день провозглашения независимости Алжира, 5 июля 1962 года, боевики

Фото: Bilal Bensalem / Zuma / ТАСС

Бастующие работники госпиталя «Мустафа бача» в алжирской столице, январь 2018 года.

Фронта вошли в Оран, самый «белый» на тот момент город побережья, и устроили там кровавую резню европейского населения, в том числе — женщин и детей. Погибло около тысячи человек.

Восполнить катастрофический для экономики дефицит специалистов Алжиру помогли страны соцлагеря — новый Алжир объявил о своей социалистической ориентации. Свои политические ориентиры Бен Белла выстраивал так: «**Кастро** — брат, **Насер** — учитель, **Тито** — образец». Была объявлена масштабная аграрная реформа, в ходе которой между крестьянами должна была быть перераспределена брошенная колонистами земля. В 1963 году подверглись национализации оставленные бежавшими французами предприятия. На фабриках, заводах и в деревнях создавались комитеты рабочего и крестьянского самоуправления.

Лозунги о радикальных преобразованиях не влекли за собой мгновенного улучшения жизни, аграрная

реформа стопорилась. Половина трудоспособных алжирцев не могла найти работу. Помощь советских, болгарских и югославских спецов была недостаточной для подъема промышленности. Между UGTA и Фронтом национального освобождения, который из подпольного движения переродился в правящую партию, стали возникать трения. Партия начала напрямую вмешиваться во внутрипрофсоюзные дела.

Вторым Насером для Алжира Бен Белле стать не удалось: в 1965 году его сверг бывший соратник, министр обороны полковник **Хуари Бумедьен**. Эра первоначального революционного энтузиазма в стране закончилась, но строительство «социализма с арабской спецификой» продолжилось.

В начале 1970-х годов в Алжире был национализирован капитал иностранных нефтедобывающих компаний (Алжир — одна из богатейших стран Африки по запасам углеводородов). Нефтедоллары хлынули в государственный бюджет и были на-

правлены на индустриализацию. За сравнительно короткий период в стране были построены сотни государственных предприятий, с 1966 по 1978 год было создано 1,3 млн рабочих мест. К концу семидесятых годов доля госсектора в алжирском производстве достигла 70%.

Это означало для аграрного Алжира и серьезные общественные сдвиги. Сотни тысяч молодых и активных устремились из деревень в города: в конце семидесятых уже треть занятых наемным трудом жителей страны были рабочими. А на фоне улучшения ситуации со здравоохранением и социальными гарантиями для работников начался бум рождаемости.

Модернизируя экономику Алжира, его власти параллельно «закручивали гайки» в политике и общественной жизни. Фронт национального освобождения, «направляющая сила алжирской революции», превратился в средство контроля правящей элитой, большинство которой представляли люди в погонах, всех сфер жизни общества.

Остатки автономии профсоюзов были за сравнительно короткое время уничтожены. Вначале в Алжире был принят закон, который позволил властям блокировать избрание нелегальных членов общественных организаций. Затем и вовсе установилась норма: руководящие посты в общественных объединениях могли занимать лишь члены партии.

«ПЕРЕСТРОЙКА» И НОВЫЕ ПРОФСОЮЗЫ

В 1978 году умершего Бумедьена сменил в кресле лидера Алжира **Шадли Бенджедид**. Он взялся за острые реформы в экономике — в частности, смягчил государственный контроль над нефтегазовой отраслью. Страна к тому времени крепко села на нефтегазовую иглу — экспорт углеводородов давал 60% поступлений в бюджет. Так что когда в 1985–1986 годах в мире резко упали цены на нефтяном рынке, для Алжира это обернулось катастрофой.

За счет доходов от нефтяного экспорта правительство Алжира обеспечивало социальные гарантии и ценовые субсидии — но эти доходы упали вдвое, к тому же Алжир успел уже накопить внушительный внешний долг. Цены взлетели в несколько раз. Госпредприятия стали сотнями тысяч ликвидировать рабочие места.

Главный типаж алжирской улицы тех лет — «хиттисты» (от арабского «хит» — стена). Этим словечком окрестили молодых безработных, собиравшихся группами на улицах бедных кварталов и целыми днями буквально «подпиравших собой» стены. Напряжение в стране нарастало.

В мае 1988 года на демонстрации в Орানে был убит полицейский. В сентябре страну охватили забастовки. Начавшись на автобасовом предприятии близ города Алжир, стачки прокатились и по другим предприятиям. На улицы вышли школьники и студенты. 4 октября демонстрация безработной молодежи в Алжире превратилась в многотысячное шествие, сопровождавшееся погромами магазинов и полицейских участков. Волна демонстраций и погромов захлестну-

ла и другие города. На подавление беспорядков военные бросили солдат и танки... В «черный октябрь» погибло от нескольких сотен до тысячи человек.

Общественный кризис, девальвация прежней идеологии и падение авторитета Фронта как правящей партии заставили алжирские власти начать радикальные политические реформы. Была принята новая Конституция, которая допустила свободную конкуренцию политических партий. Число последних увеличивалось буквально на глазах — десятками.

Плюрализм был допущен и в профсоюзах: если ранее UGTA считался единственной легальной рабочей организацией в стране, то теперь закон допустил создание не связанных с ним профструктур.

Активнее всего таковые заявили о себе в сфере государственного обслуживания. Первым в 1990 году сумел получить регистрацию **Национальный союз работников госуправления (SNAPAP)**. В том же году были созданы независимые союзы работников образования — SATEF и UNPEF. Вскоре независимых профсоюзов в стране насчитывалось около шести-десяти.

UGTA тоже менялся под влиянием происходящих в стране процессов. В 1989 году из устава профцентра были убраны упоминания о тесной связи с Фронтом национального освобождения. Несмотря на обвинения в «соглашательстве» в адрес традиционного профцентра, UGTA сумел продемонстрировать себя и как серьезную протестную силу.

Например, в 1990 году главный профсоюз страны устроил массовую всеобщую забастовку с требованием повысить зарплаты и прекратить массовые сокращения. В стачке, по некоторым данным, участвовало до 90% членов этого более чем миллионного профцентра. Скоро, однако, стало ясно: алжирская «перестройка» грозит закончиться отнюдь не демократизацией по европейскому образцу.

НА ПУТИ ИСЛАМА

В числе политических партий, вошедших в алжирскую политическую жизнь к 1990 году, четыре были ис-

ламистскими. Среди них — основанный в 1989 году в одной из столичных мечетей **Исламский фронт спасения (FIS)** — движение, которое смогло бросить опасный вызов самому существованию светского государства в Алжире.

В социалистическом Алжире ислам был объявлен «религией прогресса», культурной основой общества и получил государственный статус. Но уже в семидесятые появились фундаменталистские группы, которые пропагандировали возврат к «чистому» исламу времен Пророка и яростно отвергали и социализм, и либерализм, и европейский образ жизни как «ядовитые дары» западного мира. Победа сторонников имама **Хомейни** в Иране в 1979 году дала алжирскому фундаментализму новое дыхание: в регионах страны начало формироваться исламистское подполье. Прежде всего — из той самой безработной армии «хиттистов», которой исламизм предлагал простой и ясный образ будущего: шариатскую справедливость, поддержку неимущих и изгнание коррумпированных элит.

В 1991 году в Алжире прошли первые демократические местные выборы. Исламский фронт спасения с разгромным счетом обошел Фронт национального освобождения, получив реальную власть в ряде муниципалитетов. Взяв контроль над местными бюджетами, исламисты лишь укрепили свое положение в глазах безработных, организовав систему помощи и пособий нуждающимся.

При FIS был создан и собственный профсоюзный центр — **Исламский союз трудящихся (SIT)**. Лидеры Исламского фронта спасения провозгласили новый союз единственной рабочей организацией, куда было, по их мнению, позволено вступать мусульманам. В некоторых городах SIT смог на короткое время бросить вызов официальному профдвижению. Исламисты захватили инициативу на алжирских улицах; их противники стали подвергаться нападениям и избиениям.

После выборов конца 1991 — начала 1992 года, где первый тур с легкостью выиграл Исламский фронт

спасения, в подконтрольных FIS муниципалитетах стали вводиться шариатские порядки. Многие люди поняли: эти свободные выборы в стране будут последними. Алжирские элиты начали готовить переворот. Руководство UGTA во главе с генсеком **Абдельхаком Бенхамудой** присоединилось к ним.

11 января 1992 года военные вышли из казарм, свергнув президента Бенджедида; второй тур выборов был отменен. Уличные демонстрации FIS были разгромлены, множество симпатизировавших исламу людей оказалось за решеткой. В ответ исламисты взяли за оружие. Террор стал

новой повседневностью Алжира на долгие годы. Жертвами насилия оказывались политики, интеллигенция, иностранцы и просто гражданские. Военных, впрочем, простым алжирцам приходилось бояться не меньше: в зачистках и карательных операциях невинные тоже массово гибли и пропадали без вести. Жертвами нападений стали и многие профсоюзные активисты, а в 1997 году был убит и глава UGTA Бенхамуда.

В 1996 году UGTA поддержал проведение в стране первых после переворота президентских выборов, на которых был избран генерал **Ламин Зеруаль**. Но президент-воен-

ный не смог прекратить конфликт и в 1999 году уступил место Абделю Азизу Бутефлике.

Бутефлика пришел в алжирскую политику в годы становления Фронта и начала войны с Францией. Он был министром иностранных дел молодой страны при Бен Белле и одним из инициаторов переворота Бумедьена в 1965 году. Дипломат и аппаратчик, а главное, человек без погон, он стал компромиссной фигурой и для военных элит, и для умеренного и уставшего от войны крыла исламского движения. Войну удалось остановить, значительная часть бывших противников власти получили амнистию и смогли вернуться в политику.

Профсоюзы Алжира: страницы истории

Атака на SNATEG

Судьба профсоюза энергетиков SNATEG и его лидеров — красноречивый пример трудностей, с которыми приходится сталкиваться независимым профактивистам Алжира в новейшие времена.

SNATEG был зарегистрирован в 2013 году и объединил около 35 тысяч работников предприятия Sonelgaz — монопольного поставщика газа и энергии в Алжире, одного из крупнейших госпредприятий страны. После ряда протестных акций в 2016 году руководство Sonelgaz взяло курс на уничтожение профсоюза. Члены профсоюза подверглись массовым увольнениям. Президент профсоюза Рауф Меллаль был уволен за свою деятельность по защите прав работников и в 2017 году попал под уголовное преследование за раскрытие коррупционных схем в Sonelgaz. Всего против Меллала было выдвинуто около 17 обвинений. Подвергся преследованию и ряд других лидеров профсоюза.

В 2018 году из уст чиновников Минтруда активисты SNATEG с удивлением узнали, что профсоюз «самоликвидировался» решением собрания. Банковские счета организации были заморожены. Борьба за выживание профсоюза поддерживается глобальными профорганизациями. Митинги и пикеты в защиту профсоюза (смотрите фотографии) прошли по всему миру.

Фото: iuf.org

Фото: industrial-union.org

НОВЫЕ ВРЕМЕНА

В начале 2000-х годов начали расти цены на нефть, что позволило правительству Алжира вложиться в социальные и инфраструктурные проекты в стране. Продолжился курс и на либерализацию экономики — хотя госсектор (особенно нефтегазовые предприятия) остается важной ее частью и до сих пор.

Государственные предприятия были и остаются вотчиной UGTA, а профцентр всегда активно противодействовал попыткам либеральных реформ в этой отрасли. Когда в 2002 году в Алжире начал рассматриваться закон, в очередной раз уменьша-

Харрага. Сжигатели паспортов

Хронической болезнью нефтегазового Алжира остается молодежная безработица — почти до 30% в последние годы (в 1999 году без работы было до 50% молодых). Отсутствие перспектив для молодых в стране — далеко не последняя причина того, что новое поколение алжирцев вышло на улицы.

С недавней историей и настоящим Алжира тесно ассоциируется феномен «харрага» — рискованный способ нелегальной миграции в страны Европы, который начал набирать обороты в 1980-е годы. Это диалектное словечко означает «сжигатели». Молодые (как правило) люди пускаются в плавание через Средиземное море на резиновых или деревянных лодках, уничтожив перед тем свои документы, чтобы затруднить депортацию домой.

Несмотря на рискованность, этот феномен стал массовым. Только в 2008 году береговая охрана стран ЕС перехватила в море около 1300 человек, при этом было найдено около 100 погибших. Характерно, что, вопреки стереотипам о магрибских мигрантах, среди «харрага» хватает людей, получивших весьма неплохое образование, но не нашедших себя на родине.

Фото: Industrial-Union.org

Надо признать, что смена власти, к которой так стремилось алжирское общество, отнюдь не облегчила борьбу профсоюзов за права работников. В этих условиях поддержка со стороны международных профцентров приобретает особо важную роль.

ющий контроль государства в сфере нефтедобычи, отраслевая организация UGTA сумела массовой забастовкой эффективно парализовать и работу отрасли, и процесс рассмотрения спорного законопроекта.

Тем не менее главный в сфере общественного обслуживания страны профцентр инициативу новому профсоюзному движению после девяностых проиграл. Профсоюз госслужащих SNAPAP в середине 2000-х годов заявлял о более чем 700 тысячах членов, что сравнимо с численностью UGTA.

В сфере здравоохранения сложилось и действует около десятка независимых союзов. Ситуация в сфере образования сравнима — множество организаций, подчас узкоцеховых, притом конкурирующих друг с другом.

Если раньше госсектор был локомотивом алжирской экономики, то теперь 60% рабочих мест на рынке труда дают частные предприятия. Но профсоюзное представительство в них — со стороны UGTA ли или независимых союзов — мизерно: лишь около 5% работников частного сектора входят в профсоюз. Учитывая, что значительная доля алжирского частного сектора — совсем маленькие предприятия, органайзинг таких работников превращается в тяжелую задачу.

Разгоревшееся в Алжире движение «Хирак» с самого начала сопровождалось стачками. С марта по декабрь 2019 года в стране прошло несколько всеобщих забастовок, а также цепочка отраслевых протестов. И все-таки мобилизационные способности независимого профдвижения в Алжире, как показала практика, остаются ограниченными: мешают узкоцеховая структура и явная незаинтересованность властей в возникновении какого-либо альтернативного профсоюзного центра силы. Когда в девяностые в стране появились трехсторонние механизмы сотрудничества, к ним был допущен только UGTA.

Еще в 2013 году на базе SNAPAP была создана **Автономная всеобщая конфедерация трудящихся (CGATA)**. Но процесс ее государственной регистрации, который не должен в теории длиться дольше месяца, был затянут на неопределенный срок.

В 2018 году 13 независимых профорганизаций (несколько союзов работников образования, группа организаций врачей и ветеринаров, а среди прочего — союзы авиатехников и даже имамов) создали национальную **Конфедерацию автономных профсоюзов (CSA)**.

Годами боровшаяся за свое признание CGATA стала активным участником движения «Хирак». В 2019 году

ее офис был закрыт полицией за «несанкционированную деятельность». Член исполкома конфедерации **Кадур Шуиша** был арестован за участие в протестах, приговорен к году тюремного заключения, выпущен досрочно — и вскоре арестован снова.

Впрочем, репрессии в отношении профактивистов в Алжире начались задолго до рождения «Хирак». Репрессивное законодательство о забастовках позволяет жестко преследовать «боевые» организации. Показательна здесь судьба профсоюза энергетиков SNATEG: в 2016–2017 годах сотни его активистов были уволены, председатель **Рауф Меллаль** и другие лидеры подверглись уголовному преследованию.

Недавно в Алжире были изменены требования, предъявляемые к профсоюзам для получения аккредитации Министерства труда. Из 65 зарегистрированных профсоюзов под ужесточенные правила подошло лишь 17... Международная конфедерация профсоюзов регулярно публикует рейтинги стран, где нарушаются права трудящихся и профсоюзов. В 2020 году Алжир по оценке МКП вновь получил 5 из 5 баллов по степени неблагоприятности для профактивистов.

Предсказывать политическую ситуацию в Северной Африке, как и на Ближнем Востоке, — дело неблагодарное. Однако влияние движения «Хирак» на алжирское общество еще предстоит оценить. Едва ли не впервые в стране протестная волна такой мощности осталась мирной и не привела к катаклизмам, при этом удалось добиться серьезных уступок от власти. Для профсоюзов «Хирак» стал трудной школой мобилизации, возможностью заявить о своих правах и проблемах не только Алжиру, но и миру — и возможностью увидеть собственные слабые стороны.

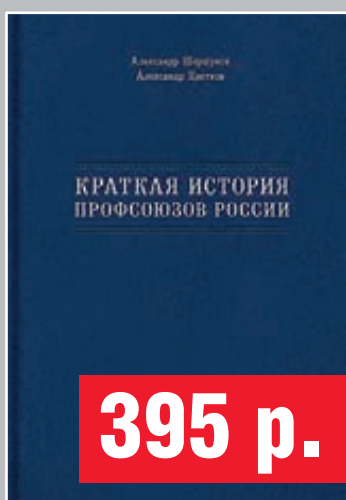
Сделают ли алжирское профдвижение и алжирская власть нужные выводы?

Александр ЦВЕТКОВ

ПОГРУЖЕНИЕ В ПРОФСОЮЗНЫЙ КОНТЕКСТ

**осознанное профсоюзное членство невозможно
без знания основ истории и идеологии движения**

«КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПРОФСОЮЗОВ РОССИИ»

Эта книга в доступной форме рассказывает об основных фактах, событиях и явлениях, связанных с возникновением и развитием российского профсоюзного движения на фоне истории страны. В современной России популярное издание подобного содержания выходит впервые. Георгий Гапон, Михаил Томский, Александр Шелепин... Морозовская стачка, Новочеркасский расстрел, октябрь 1993 года... Эти и многие другие люди и события важны для понимания сегодняшних профсоюзов.

Книга предназначена как для самостоятельного изучения профсоюзным активом, так и для организации учебных мероприятий для аудитории разного возраста.

Твердая обложка с тиснением, 136 стр.

«ПРОФСОЮЗНАЯ ИДЕОЛОГИЯ»

Если еще совсем недавно состоять в профсоюзе было так же естественно, как и ходить на работу, то теперь дела обстоят по-другому. Вокруг профсоюзов скопилось много вымыслов и недопонимания. Многие работающие предпочитают сэкономить копейки на взносах и решать свои проблемы в одиночку. Да и не каждый профсоюз может внятно объяснить простому работнику смысл своего существования.

Книга написана для того, чтобы четко объяснить, что такое профсоюзная идея и как она работает. Издание доступно рассказывает профсоюзным работникам о том, на каких принципах создавались и развивались профессиональные союзы трудящихся, отчего неравнодушные люди тратят свое время и энергию на работу по отстаиванию трудовых прав.

Издание 7-е, исправленное и дополненное, 112 стр.

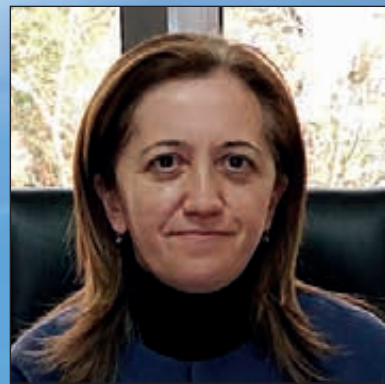
Для заказов звоните: 8-800-777-84-26 • shop.solidarnost.org

Болезнь рабочего класса

Интервью с президентом турецкого профцентра DISK

Турецкие медики выходят на демонстрации с сентября. За коронавирус им доплачивают смешную сумму (на наши деньги около 400 рублей), и то не всем. При этом уже больше четверти населения не может найти работу. Обо всем этом рассказала президент Конфедерации прогрессивных профсоюзов Турции (DISK) Арзу ЧЕРКЕЗОГЛУ, которая сумела сделать невозможное: будучи женщиной, возглавила профцентр в патриархальной стране. Совершать героические поступки ей приходится регулярно: почти каждый раз ее участие в митингах заканчивается арестом.

СПРАВКА

DISK

Конфедерация прогрессивных профсоюзов Турции (DISK) была образована 13 февраля 1967 года рядом профсоюзов как «независимая и демократическая классовая организация». На протяжении 1970-х годов DISK взяла на себя ведущую роль в борьбе рабочего класса Турции и защите демократии и свобод. После десятилетий борьбы DISK удалось покончить с запретами на Первомай, и в 1976 году сотни тысяч рабочих вышли на стамбульскую площадь Таксим, чтобы отпраздновать 1 Мая.

После государственного переворота 12 сентября 1980 года деятельность DISK была остановлена. В последующие годы сотни членов Конфедерации были брошены в тюрьмы, подвергнуты жестоким пыткам, приговорены к смер-

ной казни. За это время были убиты основатель и первый председатель DISK **Кемаль Тюрклер** (застрелен перед своим домом в Стамбуле ультраправыми) и председатель профсоюза кожевников **Кенан Будак**.

В течение 11 лет DISK была закрыта, и многие из ее членов были принуждены государством и работодателями присоединиться к другим профсоюзам. После 11-летней юридической борьбы против нарушений своих прав Конфедерация добилась отмены закрытия, но не смогла вернуть большую часть людей и имущества.

В настоящее время в DISK входит 22 профсоюза в различных секторах экономики. Она объединяет почти 200 тысяч человек. DISK является членом Европейской конфедерации профсоюзов (ETUC) и Международной конфедерации профсоюзов (ITUC).

По информации с официального сайта disk.org.tr

Фото: Андрей Стенин / РИА Новости

В Турции существует несколько профцентров, но только у одного из них — Конфедерации прогрессивных профсоюзов Турции (DISK) — штаб-квартира находится в Стамбуле. Руководство остальных сидит в Анкаре, в столице. Как поясняет мне глава департамента международных отношений DISK **Киванч Элиачик**, Стамбул — самый крупный промышленный город, именно тут больше всего заводов, именно тут больше всего работников и, естественно, трудовых проблем. Анкара же, по его мнению, аналог Вашингтона в США: город чиновников, офисов, но не реальной жизни.

Президент DISK Арзу Черкезоглу в своем рабочем кабинете в штаб-квартире профцентра. На фото слева — демонстрация на площади Таксим в Стамбуле, июнь 2013 года.

Я беру интервью у президента DISK **Арзу Черкезоглу** в самый канун нового, 2021 года в ее офисе в Стамбуле. Расположенный совсем не в центре города, на тихой улице, среди жилых домов офис выдает только табличка над дверью. Президент DISK — женщина, что для патриархальной Турции выглядит вызовом, так что я, конечно, расспрашиваю ее и об этом. Но в начале — о главных проблемах коронавирусного года.

КОРОНАВИРУС В ТУРЦИИ

— Какие проблемы создал вашим работникам коронавирус?

— Первые заражения коронавирусом в Турции начались в марте прошлого года. Через неделю после первого случая мы направили правительству обращение, в котором говорилось, что COVID-19 опасен для здоровья, но также это проклятие для трудовой деятельности и общества. Мы попросили, чтобы правительство защитило здоровье общества, занятость и заработок трудящихся. У нас были свои предложения, как это сделать. Во-первых, ввести запрет на увольнения, то есть никто из работников не должен был потерять работу в период пандемии. Во-вторых, ввести финансовую поддержку работников,

Фото: Sedat Suna / EPA / TACC

пособие. В-третьих, мы просили прекращения работы во всех отраслях, кроме особо важных, которые нельзя останавливать.

Для сотрудников на тех рабочих местах, где есть наши профсоюзы, мы провели специальный тренинг, как защитить себя от коронавируса. Мы исследовали, какие меры защиты нужны для разных родов деятельности, и проинформировали об этом наших членов. Провели целую информационную кампанию, потому что правительство и принимаемые им меры не защищали рабочих, но защищали компании и их выгоду. Например, правительство вводило локдауны, особенно в апреле и в ноябре-декабре, но на рабочих они не распространялись.

То есть карантин введен для всех, но если тебе надо работать — можешь выходить на улицу. И это во всех отраслях! Из-за этих «мер» COVID-19 стал болезнью рабочего класса. Часть людей оставались дома, а рабочие продолжали трудиться — и заражались.

— Как пандемия повлияла на систему здравоохранения Турции?

— Я также президент профсоюза работников здравоохранения, так что знаю ситуацию хорошо. Пандемия оказала сильное влияние на нашу систему здравоохранения. Госпитали очень перегружены, все больше и больше пациентов поступает, и у медицинских работников увеличиваются часы работы, люди вынуждены трудиться

все интенсивнее. Медики ощутили наибольшее влияние пандемии, больше, чем все остальное общество. Число погибших медработников довольно высоко в Турции, мы потеряли многих наших коллег: около трехсот врачей и медсестер. И это число растет.

Мы участвуем в демонстрациях, организованных совместно с Турецкой медицинской ассоциацией. Из-за политики правительства госпитали переполнены, а медики умирают. Лозунг наших демонстраций: «Вы не можете справиться, а мы теряем жизни». Это протест против политики правительства в сфере здравоохранения. Например, в конце декабря демонстрации прошли по всей стране, но в Стамбуле протестующие вышли только перед одним

СПРАВКА

Демонстрации медиков

В Турции демонстрации медицинских работников проходят с сентября 2020 года по всей стране. Участники акций выступают против продления властями рабочего дня, требуют снижения нагрузки на специалистов, противостоящих пандемии, а также обеспечения в достаточном количестве защитными масками, униформой и другими материалами. В обращении к правительству говорится о необходимости защиты прав медработников. Кроме того, демонстранты просят обеспечить бесплатный уход за детьми врачей, лишенными возможности видеться с родителями.

Часто врачи выходят на акции протеста с портретами своих коллег, ставших жертвами коронавируса. На этих фотографиях — митинг у здания медицинского факультета Стамбульского университета 30 декабря 2020 года.

госпиталем — это связано с антиковидными мерами и необходимостью соблюдения социальной дистанции. Перед госпиталем собралось около 500 человек из разных госпиталей, остальные медики продолжали работать.

Правительство не слушает ученых. Например, в ноябре все ученые просили ввести 14-дневный локдаун, но правительство этого не сделало. Оно ввело некоторые карантинные меры, но только на выходные дни, и рабочие из этих мер были исключены. В итоге локдаун, получается, был для молодежи до 20 лет и для тех, кому за 65, но этого недостаточно. Из-за этого число случаев заболевания было столь велико, что госпитали оказались сильно загружены. Правительство проводит политику

продолжения работы предприятий, из-за чего мы не можем остановить распространение инфекции. В ноябре у нас было самое большое число заражений в мире.

— **Есть ли для медработников дополнительная поддержка, например финансовая?**

— В теории, для тех медиков, кто работает с коронавирусом, есть дополнительные выплаты, но очень низкие — только 40 лир в месяц (около 400 рублей). — Ю.Р.). И это — вид дискриминации, поскольку эту сумму платят только штатным сотрудникам государственных больниц. Например, внештатные сотрудники, работая в той же больнице с теми же больными, не получают дополнительных выплат.

Конечно, во время пандемии со стороны разных структур общества проявляется солидарная поддержка медиков. Например, муниципалитет Стамбула, который сейчас в оппозиции к правительству, ввел некоторые льготы для них. Общественный транспорт для медработников стал бесплатным, и это решение не правительства, а муниципалитета. Некоторые мини-отели, включая профсоюзные, открыты для врачей и медсестер, причем бесплатно. Потому что если вы работаете с коронавирусом, то потом не можете просто пойти домой, не можете вернуться к семье, чтобы не заразить близких.

Во многих странах для медработников COVID-19 признан профес-

Фото: Emrah Gurel / AP / ТАСС

сиональным заболеванием. Но не в Турции. Правительство все еще не приняло этого решения.

РАБОТА И ЗАРПЛАТА

— Как пандемия повлияла на безработицу в стране?

— Даже до коронавируса безработица в Турции была большой проблемой. С 2014 года наша экономика не может создавать новые рабочие места. Не только безработица росла, но и возможность занятости падала. По последним данным, в 2020 году в Турции

26,4% безработных. Хотя тут противоречие между данными официальных институтов статистики и других экономистов — в том, как считать. 26,4% безработных — это неофициальная цифра, но ее придерживаются многие экономисты, и профсоюзы с ними согласны. Официальные данные — 12,7% (на сентябрь 2020 года). Но даже по официальным данным безработица среди молодежи и женщин очень высока, и молодежь теряет надежду найти работу, что самое ужасное. Такая ситуация была и до коронавируса. Но в период

пандемии в стране произошел самый большой кризис на рынке труда. Многие потеряли работу, особенно в малом бизнесе. Много секторов экономики — особенно строительство, туризм, текстильная промышленность — полностью остановились.

Зарплаты в Турции довольно низкие, и на правительство давят, чтобы такие низкие зарплаты и сохранялись. У нас есть минимальная зарплата, но она становится средней зарплатой примерно для 50% рабочей силы — именно столько работников получают «мини-

Начало первомайской акции у штаб-квартиры DISK в Стамбуле и последующий разгон профактивистов полицией.

Фото: Kemal Aslan / Zuma / ТАСС

малку». При этом минимальная зарплата ниже черты бедности, ее недостаточно для выживания. В 2020 году она составляла 2300 лир, в 2021-м — 2800 тысяч лир (около 23 и 28 тысяч рублей соответственно. — Ю.Р.), но этого все равно недостаточно даже для выживания.

Такую зарплату получают в основном работники, не состоящие в профсоюзе. Члены профсоюзов на предприятиях, где заключен коллективный договор, получают достойную зарплату. Чтобы повышать зарплаты,

СПРАВКА

Что предлагалось в законопроекте о гибкой занятости

Согласно законопроекту, сотрудники в возрасте от 25 до 50 лет могли бы работать по срочному контракту до двух лет, из-за этого они не смогли бы получать выходное пособие и гарантии занятости. Три профцентра Турции, в том числе DISK, отметили, что законопроект позволяет продлевать срочные контракты, что фактически аннулирует право на выходное пособие для указанной возрастной группы. Также, по их оценке, законопроект, направленный на расширение распространения неполного рабочего дня, приведет к дальнейшему снижению таких прав, как получение пенсии по старости или по инвалидности, и права на пособие по безработице. Кроме того, это вызовет дискриминацию среди работников.

Агитационное граффити на стене в здании профцентра. На фото справа — активисты DISK и других профсоюзов и общественных организаций на митинге против бюджетной и социальной политики правительства Эрдогана. Анкара, декабрь 2014 года.

мы должны организовывать людей в профсоюзы и заключать коллективные договоры. Если профсоюзов и колдоговоров мало, то и зарплаты низкие.

В 2021 году мы планируем провести кампанию за то, чтобы с минимальной зарплаты не брались налоги. В пандемию правительство предоставило некоторые льготы по налогам для крупного бизнеса. Мы просим такой же поддержки для тех, кто получает минимальную зарплату. Таким образом, сумма минимальной зарплаты (которая остается на руках у людей. — Ю.Р.) вырастет.

ПРАВА ПРОФСОЮЗОВ

— С какими еще проблемами вы сталкиваетесь?

— Есть проблема более серьезная, чем коронавирус и низкая зарплата. Это нарушение профсоюзных прав. В 1980 году в Турции был военный государственный переворот, после которого ухудшились все профсоюзные и трудовые права. Деятельность DISK была приостановлена на 11 лет. В 1992 году мы возобновили работу, но создание новых профсоюзов и вовлечение новых членов стало очень трудным, действие многих профсоюзных прав было приостановлено или отменено. Все законы, законопроекты, обращения, судебные

дела, государственная политика, работодатели, — все это стало вне профсоюзной сферы влияния.

В Конституции говорится, что у вас есть право вступить в профсоюз, но если ты вступаешь в профсоюз, то тебя увольняют с работы. По Конституции, у нас есть право на забастовку, но практически невозможно воспользоваться им. Есть специфические трудности при организации забастовки, но даже если вы начинаете ее, то правительство может ее запретить. В Турции серьезно нарушаются трудовые права и права профсоюзов, вы можете это увидеть в отчетах ITUC — Международной конфедерации профсоюзов. Некоторые профсоюзные начинания были просто остановлены правительством, и даже Первомай мы не можем отметить. В 2020 году мы планировали символически отметить Первомай — выйти на небольшую акцию около здания DISK, причем лишь по одному представителю от каждого сектора экономики. Перед зданием нашего профцентра было только 20 человек, но и те были арестованы. Главная повестка дня для нас — нарушение прав профсоюзов.

— Расскажите о ваших арестах.

— Последний раз это было 1 мая. Всякий раз, когда я выступаю с ре-

чью на улице, они начинают судебное разбирательство против меня. Иногда меня задерживают на профсоюзных демонстрациях. Аресты длятся недолго, не дольше дня, но это печально, потому что мешает профсоюзной деятельности. Но я продолжу делать то, что делаю, меня не волнуют аресты.

ЖЕНЩИНА-ПРЕЗИДЕНТ

— Трудно ли быть женщиной-президентом?

— Быть женщиной в Турции трудно. Быть руководителем — труднее. Быть руководителем профсоюза — намного труднее. Это экстраординарно, необычно. Я президент и член исполнительного комитета Конфедерации, и среди членов исполкома я — единственная женщина. Это тяжело. Но быть президентом такой организации, как DISK, — это предмет гордости. Это честь, и эта честь важнее, чем трудности. DISK — прогрессивная организация, у нас прогрессивная атмосфера, и это отличает нас от многих других организаций. Я продолжаю бороться вместе с коллегами-мужчинами.

— Есть ли у вас проблемы во время переговоров с министром или правительством из-за того, что вы женщина?

— Сейчас так случилось, что министр труда Турции — тоже женщина. Иногда некоторые профлидеры говорят: вы две леди, вы должны ладить друг с другом. Но мы, к сожалению, спорим друг с другом. Политика правительства и президента недружественна к работающим женщинам, и я, будучи женщиной, сталкиваюсь со многими проблемами во время встреч с министрами. В стране большая дискриминация и неравенство, особенно в отношении женщин; женщины зарабатывают меньше, чем мужчины. Поэтому бороться за всеобщее равенство — один из главных пунктов нашей повестки дня.

Фото: AP / ТАСС

Демократии в стране становится меньше, и это влияет на профсоюзную деятельность. Мы считаем, что бороться за хлеб и бороться за свободу — одно и то же. Да, мы просим хлеба, но мы просим и свободы.

— **Что ваша семья думает о вашей работе?**

— Они знают, что есть риски. Но в Турции вообще быть профсоюзником — это риск, об этом все знают. Семья меня поддерживает.

— **Расскажите, как проходит ваш день.**

— У меня нет никакого устоявшегося расписания. Иногда я встаю в 5 утра, чтобы поехать в Анкару на встречу и в тот же день вернуться. Иногда лечу на самолете в другую часть страны на демонстрацию. Если ничего такого нет, я приезжаю в офис, и бывает, что задерживаюсь тут до ночи. У нас нет того, что повторяется изо дня в день, у нас всегда что-то внезапное.

ДОСТИЖЕНИЯ И ПЛАНЫ

— **Чего добилась Конфедерация прогрессивных профсоюзов Турции в этом году?**

— Самая большая наша победа — мы добились отмены законопроекта, предполагающего внедрение «гибкой

занятости» в Закон о труде. Профсоюзы провели большую кампанию против рассмотрения законопроекта в парламенте.

Есть и другие победы. Например, в одном муниципалитете 1700 членов профсоюза требовали заключения коллективного договора, но глава муниципалитета постоянно откладывал начало переговоров. Это заняло годы. Наконец в 2020 году мы добились, чтобы коллективное соглашение было подписано. Другой пример. На одном предприятии у нас была сотня членов профсоюза. Работодатель не хотел вступать в переговоры с профсоюзом, он отправлял членов профсоюза в оплачиваемый отпуск в период коронавируса. Это такой вид дискриминации: он оставлял на работе не состоящих в профсоюзе, но отправлял в отпуск членов профсоюза. Мы начали кампанию, провели демонстрацию — и наконец он сохранил нормальную занятость для членов профсоюза. Это тоже наша победа.

— **Какие у вас планы на 2021 год?**

— Основная цель для нас на 2021 год — набрать новых членов профсоюзов. Для этого пройдет всеобщая

кампания. Мы планируем увеличить число членов профсоюзов вдвое. В настоящее время в нашу Конфедерацию входит около 200 тысяч человек. Также у нас будет кампания для работающих женщин — мы будем поощрять их вступать в профсоюз. Еще мы будем приглашать независимые профсоюзы вступить в нашу Конфедерацию. Кроме того, есть некоторые сектора экономики, которые традиционно находятся вне сферы наблюдения профсоюзов (например «белые воротнички»), — мы начнем профсоюзные действия в этих секторах.

— **Как вы проводите свободное время?**

— Я хотела бы читать книги, ходить в кино, но это очень сложно, потому что у меня на это нет времени. В период локдауна было время на выходных, и я могла слушать музыку, но так и не появилось времени читать романы: я читаю профсоюзные книги, книги по политике. А вообще я люблю историю и предпочитаю смотреть исторические фильмы. Кстати, я заочно учусь в университете на историческом факультете.

Юлия РЫЖЕНКОВА

ГРАНИЦЫ ВОЗМОЖНОГО

Протест — дело креативное

Нешаблонные способы борьбы за справедливость:
от виртуальных маршей до магического вмешательства

Кто сказал, что социальный протест должен ограничиваться митингами, пикетами, кампаниями солидарности, в крайних случаях — забастовками? «Профсоюзный журнал» предлагает небольшой экскурс в новейшую историю нестандартных форм социальной и профсоюзной борьбы.

maison médicale
chaque quartier

«ОБНАЖЕННЫЕ» ФЛЕШМОБЫ

Пандемия COVID-19 застала мир врасплох. И так же врасплох в апреле 2020 года французских стоматологов застало распоряжение: после весеннего локдауна им предстояло выйти на работу, не будучи обеспеченными средствами индивидуальной защиты. Врачи и вспомогательный персонал оказались вынуждены многократно использовать одноразовые средства защиты, стерилизуя их.

«Мы наги и беззащитны перед вирусом!» — с таким лозунгом врачи запустили флешмоб, фотографируясь

без одежды на рабочих местах и выкладывая снимки в социальных сетях под хештегом #dentisteapoil (франц. «дантист голышом»).

Необычный — и, признаться, весьма поэтичный — способ протеста принес результат. Министерство здравоохранения пообещало примерно на 40 тысяч практикующих врачей-дантистов еженедельно выделять 800 тысяч масок-респираторов повышенной степени защиты.

Примеру последовали доктора в соседней Германии, тоже оставшиеся без средств защиты. Там протест проходил под хештегом @blankebedenken (нем. «голые проблемы»).

Но зачем ходить за примерами далеко?

1 июля 2018 года две ростовские активистки — **Анастасия Шевченко** и **Мария Кривенко** — вышли на улицы города без одежды с плакатами «Обобрали до трусов», протестуя против повышения пенсионного возраста и НДС в России. В столице девушек поддержал ростовчанин **Вячеслав Шумский** — с таким же плакатом и тоже обнаженный он провел одиночный пикет на Красной площади. Удивительно, но смельчак избежал задержания — возможно, потому, что во время проходившего тогда в России чемпионата мира по футбо-

Фото: Olivier Nostet / EFA / ТАСС

Примеру французских и немецких коллег в октябре последовали медработники из бельгийского Шарлеруа. И повод тот же — недостаток средств индивидуальной защиты...

Акция была изящным ответом испанских политических активистов на новый закон о митингах, который вскоре должен был вступить в силу. Критики прозвали его «законом-кляпом» и сочли худшим событием для испанской демократии со времен каудильо Франко. Среди прочего закон ввел драконовские штрафы — до 30 тысяч евро — за участие в несанкционированных акциях перед зданиями центральной и региональной власти. А также — за распространение в интернете фото полицейских «при исполнении», что могло бы способствовать их деанонимизации.

Устроившие голографический протест активисты создали сайт и предложили желающим присылать свое изображение, выкрик или написанный лозунг. На призыв откликнулось около 18 тысяч человек.

В 2016 году нечто похожее было повторено в Южной Корее на одной из центральной площадей Сеула. Причина митинга, как несложно догадаться, была та же — ужесточение властями политики в отношении свободы слова и собраний.

НАВОЗНЫЕ «ЧЕРНЫЕ МЕТКИ» И ПОМИДОРНАЯ БИТВА

В октябре 2020 года польские фермеры стали вываливать навоз перед домами и офисами депутатов партии «Право и справедливость».

Флешмоб, с помощью которого фермеры решили отомстить «предателям польской деревни», стал частью протестов против государственной политики в сельском хозяйстве. И в первую очередь — против принятого в Польше закона о защите животных, запрещающего ритуальный убой скота. (Львиная часть польского экспорта мяса приходится именно на кошерную и халяльную продукцию.)

Лидеру партии **Ярославу Качиньскому** досталось больше всех: одной из декабрьских ночей перед домом вице-преьера протестующие выбросили тушу свиньи, мясо, яйца и овощи.

Навоз и испорченные продукты, вываливаемые на дорогах и в общественных местах, давно стали «оруди-

ем пролетариата» в руках сельхозпроизводителей Европы. Дело в том, что локальные производители не первое десятилетие страдают от сельскохозяйственной политики, навязанной Евросоюзом национальным правительствам.

Но иногда фермерские протесты приобретают и подлинно креативные формы.

В 2014 году, на фоне «войны санкций» с Россией, в Амстердаме была устроена массовая «помидорная битва». Любой желающий мог, заплатив 15 евро, присоединиться к побоищу запрещенными к ввозу в Россию и потому обреченными сгнить в хранилищах томатами, поддержав таким образом пострадавших производителей. В акции — с немалым, вероятно, для себя удовольствием — приняли участие сотни людей.

ГОД НА ВЫШКЕ ПРОТИВ КОРПОРАТИВНОЙ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ

И снова о Южной Корее. Ровно 355 дней — с июня 2019 по май 2020 года — провел на верхушке 20-метровой вышки видеонаблюдения в центре Сеула, недалеко от штаб-квартиры Samsung, 60-летний **Ким Ён Хи**.

Ким Ён Хи — бывший работник Samsung, в далеком 1995 году уволенный за рабочий активизм, причем по надуманным обвинениям. Четверть века он пытался добиться справедливости от корпорации-гиганта по отношению и к себе самому, и к профсоюзному движению внутри компании.

Samsung регулярно подвергается критике от глобальных рабочих объединений, в том числе от Международной конфедерации профсоюзов, за гонения на профактивистов, использование потогонной системы и опасные условия труда.

«Столпнический подвиг» господину Киму дался нелегко. Прожив целый год на маленькой вышке со спальным мешком, мегафоном и лозунгами, активист, по собственному признанию, пережил ряд панических атак и едва удержался, чтобы не броситься вниз.

лу столица временно превратилась в удивительно либеральный город. И к тому же успела за те дни повидать и не такое.

ГОЛОГРАММЫ — ЗА СВОБОДУ СОБРАНИЙ

Будущее давно наступило. В апреле 2015 года у здания нижней палаты испанского парламента прошла первая в мире... голографическая демонстрация. Виртуальное шествие, спроецированное на прозрачный экран, продлилось около часа. Как это происходило, можно увидеть на фотографии на предыдущем развороте.

Фото: Peter Dejong / AP / ТАСС

Площадка была настолько мала, что на ней трудно было вытянуть ноги. Питье и еду ему доставляли по веревке соратники.

В итоге руководство корпорации принесло активисту извинения, а **Ли Джэ Ён**, вице-президент Samsung Electronics, пообещал пересмотреть корпоративную политику в отношении профсоюзов. Ким Ён Хи спустился вниз с триумфом.

КОЛИЗЕЙ И ПИЗАНСКАЯ БАШНЯ ПРИСОЕДИНЯЮТСЯ К ПРОТЕСТУ

В ноябре 2010 года, протестуя против резкого урезания правительством бюджетных трат на образова-

ние, итальянские студенты на время захватили ряд исторических зданий и туристических достопримечательностей и украсили их лозунгами против «мер экономии», осуществляемых правительством по указке ЕС.

В Риме в протестную площадку на время превратился Колизей. В Пизе студентам удалось захватить знаменитую падающую башню. А в Турине — устроить манифестацию в фойе 167-метровой башни Моле-Антонеллиана, знаменитого инженерного сооружения конца XIX века, которое на тот момент было самым высоким в Италии зданием.

И это, заметим, за полгода до того, как протесты в стиле «оккупай», на-

чавшиеся в Нью-Йорке летом 2011 года, стали мейнстримом!

БОССНЕППИНГ И ГЕРАО

Что делать, если трудовой спор зашел в тупик и менеджмент ни в какую не идет на уступки?

Во Франции, где существуют давние традиции боевого рабочего протеста, такую проблему не раз решали с помощью «босснеппинга» (от англ. *boss* и *kidnapping* — «похищение»). Волна таких случаев прокатилась после того, как на фоне рецессии конца двухтысячных в стране начались массовые сокращения.

В 2009 году рабочие предприятия Sony France, не сумев договориться с менеджментом о компенсациях

«Помидорная битва» в Амстердаме состоялась прямо на площади перед королевским дворцом. Неплохая идея поддержки отечественного (нидерландского в данном случае) производителя, если уж по-другому никак не получается.

отреагировали куда жестче. Несколько активных участников удержания боссов получили тюремные сроки.

Нечто подобное, кстати, давно существует в Индии, где профсоюзная борьба традиционно проходит жестче. Тамешние профсоюзы используют тактику «герао» (на хинди *gherna* — «осада»): блокирование правительственных зданий или управлений предприятий вместе с чиновниками и менеджментом с помощью массовых пикетов.

Вообще случаи захватов возмущенными рабочими руководителей и менеджеров в ходе так называемых «диких» забастовок время от времени случаются во многих странах, где у рабочих нет иного способа добиваться выполнения своих требований, кроме как радикальными действиями.

КРАСНАЯ СВЕЧА, СУШЕНЫЙ АМУЛЕТ

В 2019 году в Великобритании шла предвыборная борьба между консерваторами и лейбористами. С тори для британцев намертво связана непопулярная политика экономии бюджетных средств, проводившаяся в стране в последние годы.

Во время выборной кампании на помощь лейбористам пришла... магия. **Шарлотта Ричардсон-Эндрюс**, оккультный блогер и ведьма, призвала британских ведьм и колдунов поспособствовать победе левых с помощью колдовского ритуала.

«После десяти лет изнурительно-го «режима экономии», — написала она, — мы хотим бросить вызов власти тори... Мы не дадим им ни своего труда, ни своей земли, ни наши жизни».

Ритуал должен был длиться семь дней. Откликнувшиеся ведьмы должны были призвать на помощь своих избранных духов или божеств, использовать красные (поскольку речь о партии трудящихся!) свечи и ленты, целебные травы. Ну и постараться как можно ярче представить победу лидера лейбористов **Джереми Корбина**. Впрочем, Ричардсон-Эндрюс отдельно призвала своих сторонниц не забыть проголосовать на участках.

Увы, попытка вмешательства колдовством в современную британскую политику дала противоположный эффект: консерваторы победили с разгромным счетом, добившись лучшего для себя результата со времен **Тэтчер** — то есть за три с лишком десятилетия.

Кстати, а как с колдовством обстоят дела в профсоюзах? В Европе рабочее движение едва ли часто прибегает к помощи потусторонних сил. Зато в Африке колдовство (и страх перед ним) до сих пор используется в рабочей борьбе — в том числе когда идет речь о борьбе профсоюзов между собой.

В начале 2010-х годов в ЮАР разразилось ожесточенное противостояние между Национальным профсоюзом горняков (NUM), «традиционной» организацией в этой отрасли, и бросившей ей вызов молодой Ассоциацией шахтеров и строителей (AMCU).

На фоне конфликта в NUM стали ходить слухи о том, что у конкурентов есть сильный «сангома» (знахарь), а его лидеры используют амулеты «мути», приготавливаемые из высушенных частей тел животных или людей (последние якобы обладают большей силой). С учетом того, что колдуны до сих пор пользуются уважением у чернокожего населения ЮАР, это немалым образом повлияло на расклад сил между профсоюзами.

«Существует вера в то, — цитировало в 2012 году агентство Reuters **Франса Балени**, генсека NUM, — что если ты не с ними, если ты им перечишь, то у тебя, если ты мужчина, начнутся проблемы в постели».

Конкуренты от обвинений открещивались, утверждая, что AMCU исповедует «христианские принципы».

Так или иначе, в войне двух профсоюзов между собой еще более веским аргументом, чем черное колдовство, оказались мачете и палки. В ходе ожесточенных схваток между активистами двух враждующих организаций только в августе 2012 года погибло несколько человек...

уволненным, заперли руководство на предприятии и не выпускали 33 часа, пока удовлетворившее рабочих соглашение не было подписано.

Директору завода компании «ЗМ» в Питивье на северо-западе Франции повезло меньше: ему пришлось провести взаперти двое суток. Правда, рабочие старались обеспечить руководителю должный комфорт и даже накрывали ему стол с морепродуктами...

Поначалу захваты руководства сходили «похитителям» с рук. А вот когда рабочие убыточного шинного завода американской компании Goodyear в Амьене в 2014 году схожим образом попытались решить вопрос с компенсациями, власти

Александр ЦВЕТКОВ

Забывтый реформатор

Льюис ХАЙН, фотограф,
показавший лицо детского труда

Американский фотограф и социолог, он использовал свою камеру как орудие социальных реформ, в частности — запрета детского труда в США. Его творчество мало изучено, и он почти не упоминается в популярных изданиях, посвященных фотографии: первое биографическое исследование, проведенное Кейт Сампселл-Уиллман, вышло только в 2009 году. Хайна забыли по мере того, как социальный пафос его самых известных фотографий перестал быть актуальным. Славу его затмили те, кого он в свое время вдохновлял: Доротея Ланж, Уокер Эванс, Артур Ротштейн, Беренис Эббот.

ФУНДАМЕНТ

Льюис Хайн родился в 1874 году в небольшом городке Ошкош в штате Висконсин. Его отец погиб, когда ему было 18 лет, и, чтобы поддержать семью, Льюис был вынужден пойти работать. Его первым местом работы стала фабрика по производству обивки мебели — по 13 часов в день, шесть дней в неделю. А его заработок составлял всего 4 доллара в неделю.

Тем не менее Хайн не оставил идею получить образование — скопил деньги и в 26 лет поступил на курсы повышения квалификации в Чикагский университет. Там он познакомился с **Фрэнком Мэнни**, директором государственной педагогической школы в Ошкоше и ассистентом **Джона Дьюи**, будущего знаменитого философа. При поддержке директора Хайн смог учиться у Дьюи, а потом и сам стал учителем. Вполне вероятно, что как раз тогда он проникся идеей Джона Дьюи о «социальной реконструкции». Идея предполагала наделение собственностью как можно большего числа людей, более справед-

Автопортрет. Около 1930 года.

ливое распределение материальных благ и, следовательно, борьбу с социальной несправедливостью и имущественным расслоением. В итоге, считал Дьюи, должны исчезнуть те, кто присваивает себе результаты труда: круп-

ные собственники и монополисты. Хайна на всю жизнь заинтересовала тема труда в человеческой жизни.

НЬЮ-ЙОРК

В 1901 году Фрэнк Мэнни был назначен суперинтендантом (управляющим) Школы этической культуры **Феликса Адлера** в Нью-Йорке, и при переезде он переманил с собой Хайна в Нью-Йорк. Там Хайн лично познакомился с Адлером, основателем гуманистической религии этической культуры и будущим главой Национального комитета по детскому труду. А также — с **Джеком Спарго**, бу-

дущим автором книги «Горький плач детей», описывавшей жуткие условия детского труда (опубликована в 1906 году), и **Флоренс Келли**, главой Национальной лиги потребителей.

Первые годы в Нью-Йорке Хайн учился в Колумбийской школе социальной работы и там познакомился с **Артуром Келлогом**, редактором «Благотворительного журнала». Все эти люди позже станут его издателями, работодателями и партнерами в его творческой деятельности. Они верили в возможность социальных реформ, более того, в то, что простые американцы сами могут стать двигателем

этих реформ. Их уверенность имела отчасти религиозный фундамент: если люди по своей природе хорошие, то общественное мнение, направленное научно подкованными экспертами, — это ключ к преобразованиям.

В Школе этической культуры Адлера Хайн преподавал естествознание и географию, а в 1904 году он и Мэнни создали первую образовательную программу по фотографии. Хайн вывозил своих студентов за город — фотографировать природу, а также водил по Нью-Йорку, где они фотографировали жителей города. Особенно его занимали малоимущие слои населения,

За несколько лет работы на острове Эллис Хайн сделал более 200 снимков семей мигрантов и одиночных портретов. Столь небольшое количество объясняется дороговизной производства одного кадра в то время, и это заставляло Хайна работать в манере «снэйпера» — снимать наверняка.

проживавшего в многоквартирных домах. Вполне вероятно, что там Хайн встретил множество семей иммигрантов, что привело его в дальнейшем на остров Эллис — туда, где начинался путь всех, кто прибыл в Соединенные Штаты в поисках лучшей жизни. Эллис (соседствует с островом Либерти, где стоит статуя Свободы) был самым крупным пунктом приема иммигрантов с 1892 по 1954 год. В 1954 году пункт был закрыт, а с 1976 там действует музей иммиграции.

Хайн решил брать своих студентов на остров Эллис, чтобы запечатлеть портреты мигрантов. И это было

новым словом в фотографии, потому что в то время фотографы, за редким исключением, оставались в стороне от социальных проблем. Журнальная фотография бедноты того времени больше напоминала безжалостный вуайеризм либо романтизировала обитателей трущоб.

НОВЫЕ АМЕРИКАНЦЫ

Хайн преподавал в Школе этической культуры до 1908 года. Он посвящал фотографии свое свободное время либо урывками что-то фотографировал во время занятий со студентами. Надо напомнить, что в те времена

фотография была далека от технической легкости: хотя «щелчок затвором» происходил довольно быстро, подготовительный процесс отнимал гораздо больше времени. А высокая стоимость одного кадра не оставляла фотографу права на ошибку.

Индустриализация, проходившая в Штатах в то время, требовала все больше и больше рабочей силы. У мигрантов, как правило, не было особого выбора работы. Они приезжали, имея за душой сущие гроши, и владельцы фабрик и заводов нещадно эксплуатировали эту безликую для них рабочую силу.

Фото: The Granger Collection / ТАСС

Мальчики выбирают пустую породу из добытого угля на шахте в Питтстоне. Пенсильвания, 1911 год. Этот снимок мог стоить Хайну и всем работникам жизни — используя магниевую вспышку, фотограф нарушил все мыслимые нормы техники безопасности, хотя о них в то время могли и не знать. На фото справа: хлопковая фабрика в Ланкастере, штат Южная Каролина. В пометках к фотографии Хайн написал: «Десятки таких работают на фабрике».

«Я отношусь к своим людям так же, как я отношусь к машинам. До тех пор пока они могут делать работу, за которую я им плачу, я оставляю их при себе, получая от них все, что я могу. Когда мои машины становятся старыми и бесполезными, я избавляюсь от них и беру новые, и эти люди — часть моей машинерии», — выразил отношение к рабочим один из фабрикантов.

Портреты Хайна, напротив, открывают перед нами индивидуальность каждого, кто прибыл на «родину свободы», будь то молодая албанка, приехавшая из Италии, или старый еврей из России. С 1904 по 1909 год Хайн сделал примерно 200 фотографий иммигрантов на острове Эллис. Его заботило их положение, изолированность и, как следствие, невосприимчивость к трудовому и профсоюзному движению, а значит, и более чем уязвимое положение.

СТАЛЬНОЕ СЕРДЦЕ

В 1907 году Хайн стал сотрудничать с фондом **Рассела Сейджа** и два года работал над коллективным трудом «Обзор Питтсбурга», который этот фонд финансировал. Исследованием руководил **Пол Келлог**, брат Артура Келлога, а Хайн собирал визуальные доказательства. «Обзор Питтсбурга» — одно из первых и наиболее глубоких исследований не только трудовых аспектов жизни сталелитейного центра тогдашних Соединенных Штатов, но и различных аспектов трудовой жизни вообще, а также урбанизации, жизни в городе, социального неравенства. В середине XX века визуальное исследование Питтсбурга повторил знаменитый фотограф Уильям **Юджин Смит**.

«Обзор Питтсбурга» был опубликован в журнале «Благотворительные и общественные организации». Хайн,

увы, был не особо цепетилен в вопросах достоверности. Он считал, что до той поры, пока фотография отражает реальное положение дел в целом, частностями можно пренебречь. Например, делая подписи к серии фотографий с одним и тем же героем, он мог приписывать ему разные национальности. Для него фотография была не фиксацией факта, а созиданием образа, который приблизит необходимые реформы.

«Обзор Питтсбурга» имел большой успех. Работавших над ним приглашали на публичные выступления, сам «Обзор» перепечатали в ряде изданий. Он послужил одним из факторов формирования общественных настроений, апогеем которых стали забастовки в Пенсильвании. Сначала — в городке Маккиз-Рокс. Там акция протеста достигла эмоционального пика 22 августа 1909 года, когда бастующие рабочие схлестнулись с полицией и частными охранниками

(по разным оценкам, погибло от 12 до 26 человек). Позже — в Бетлехеме, когда стачку объявили 700 рабочих Bethlehem Steel, второй крупнейшей сталелитейной компании США.

В 1912 году сенатский комитет по труду и образованию назвал организацию работ в U.S. Steel — одной из ведущих компаний — «жесточкой системой промышленного рабства» и ускорил введение восьмичасового рабочего дня при выполнении всех госзаказов на федеральном уровне. Похожим образом отреагировали и правительства штатов. А самой U.S. Steel пришлось покончить с семидневной рабочей неделей, ввести нормы безопасности труда и компенсацию несчастных случаев.

ДЕЛО ЖИЗНИ

Еще в 1906 году Хайн начал работать на Национальный комитет по детскому труду (NCLC), созданный в

1904 году. Главной целью NCLC было искоренение детского труда. Комитет считал, что при наличии достаточного количества красноречивых доказательств рациональные американцы будут принимать правильные решения. И создатели комитета считали нерациональным разрешать детям работать, поскольку для детей это почти всегда кончалось болезнями, а то и смертью. Привлечение фотографа для сбора доказательств было новаторской идеей в то время — оказывается, никто раньше не пытался использовать фотографию как орудие социальных реформ.

До 1908 года Льюис Хайн совмещал сотрудничество с NCLC с работой учителя, а в 1908-м решил полностью сосредоточиться на социальной фотографии, ориентированной на реформы, и начал трудиться на комитет полный день. В течение десяти лет он колесил по США, фотографируя

вал, расследовал и публиковал результаты. Но, реализуя этот проект, он столкнулся с очень негостеприимной встречей со стороны работодателей, так что ему пришлось собирать информацию тайно. Он представлялся пожарным инспектором, продавцом открыток или Библии, промышленным фотографом, документирующим фабричную машинерию.

Теперь он не только фотографировал, но и слушал истории детей, в точности записывал их возраст, зарплату, трудовой стаж и уже не позволял себе таких вольностей, как в «Обзоре Питтсбурга». Он даже измерял их рост по высоте пуговиц на своей одежде, поскольку не мог себе позволить открыто собирать данные.

В январе 1909 года на десяти страницах журнала «Благотворительные и общественные организации» были опубликованы сделанные Хайном фотографии из Северной и Южной Каро-

Работы Хайна известны в профессиональной среде — похоже, что именно эта вдохновила фотографа моды Питера Линдберга на одну из его самых известных съемок.

лины. Это было одно из одиннадцати изданий, опубликовавших материал. Глава Национальной лиги потребителей Флоренс Келли сказала об этом репортаже, что это убедительное свидетельство того, что дети вносят существенный вклад в работу текстильной промышленности Юга. Она особо отметила мастерство фотографа, который рассказал общественности о том, о чем молчали министерства труда и образования и перепись населения.

Работа Хайна в NCLC включала также исследования свекольных ферм в Колорадо, клюквенных полей в Коннектикуте, угольных шахт в Пенсильвании, консервных заводов побережья Мексиканского залива. Он

снимал на стекольном, табачном и одежном производствах. Его фотографии были главным орудием мобилизации общественного мнения против детского труда.

Хайн писал жене в 1910 году: «Мои фотографии детского труда уже заставили власти посмотреть, «возможно ли такое». Они пытаются обойти их вниманием, кричат «фальшивка», но в этом и заключается ценность собранных данных и этого свидетельства. Мой социологический кругозор ежедневно расширяется».

В 1912 году было создано Детское бюро Соединенных Штатов. В том же году Прогрессивная партия **Теодора Рузвельта** сделала упразднение детского труда одним из пунктов пред-

выборной программы. Однако это не помогло Рузвельту вернуться в Белый дом.

В 1916 году федеральный закон о детском труде прошел, но два года спустя Верховный суд признал его неконституционным. Эпопея законодательного регулирования найма детей младше 16 или 18 лет (в зависимости от штата) растянулась на годы, и точку, впрочем не окончательную, поставил уже кабинет **Франклина Рузвельта** в 1938 году. Тем не менее правозащитные организации сообщают о распространенности детского труда в США и по сей день.

НЕПОСТОЯНСТВО ПУБЛИКИ

Зарплата Хайна в NCLC в 1917 году упала с 275 долларов в месяц до 200, и в следующем году он окончательно расстался с комитетом. За годы работы он сделал больше пяти тысяч фотографий, свидетельствовавших о детском труде и его условиях. В 1918 году Хайн поехал в Европу. Там он освещал деятельность Миссии по оказанию помощи в Европе американского Красного Креста во Франции и на Балканах: работал над проектами о беженцах, а также над освещением проблем здравоохранения, голода, антисанитарии.

Поскольку Хайн на протяжении всей своей карьеры занимал подчиненное положение и в работе зависел от тех, кто ее финансировал, это делало его уязвимым по отношению к сменам политического и идеологического ландшафта. После Первой мировой войны он решил переключиться на более позитивные темы. После вынужденного ухода из NCLC его заработок стал непостоянным. Его работа стала цениться ниже как в денежном, так и в любом ином эквиваленте. Она уже не вызывала такого резонанса в обществе: Хайна не приглашали на публичные выступления, а издания не выстраивались в очередь, чтобы перепечатать его фотографии.

В дальнейшем творчестве он столкнулся с противоречием между тем, что он хотел сделать своим творческим методом (позитивные фотографии людей, чей труд — суть их достоинство), и действительностью

Мерильда, несущая клюкву. Рочестер, Массачусетс, сентябрь 1907 года. Сезонная работа на сборе урожая — одна из самых живучих форм детского труда, которая до сих пор очень распространена в странах с низким уровнем дохода, где сельское хозяйство не столько статья экспорта, сколько гарантия выживания до следующего сезона. Это пагубным образом сказывается на образовании и дальнейших жизненных перспективах юных работников.

(разделение труда, его фрагментация, стандартизация операций и заданий, увеличение числа низкоквалифицированных рабочих и усиление менеджерского контроля). Хайн нашел выход в том, чтобы сконцентрироваться на ремесленниках: его героями стали резчик по дереву, серебряных дел мастер, гравер по драгоценным и полудрагоценным камням, витражник и другие. В другом проекте он решил взглянуть на рабочего как на интеллектуала, который строит и контролирует современные машины. Но оба проекта уже не обладали ни социальной остротой, ни обличительным пафосом, подобным «Обзору Питтсбурга» или работе по детскому труду.

Какое-то время Хайн надеялся на корпоративные заказы. В 1920-е годы он взял еще несколько проектов «рабочих портретов», но у него так и не появилось возможности получить стабильный заработок. Он был награжден профессиональными премиями и стал признанным мэтром в среде коллег, но это не помогало в поиске работы. В 1930 году, когда он уже решил продать дом, ему удалось получить заказ на съемку строительства Эмпайр-стейт-билдинг. Наступил звездный час Хайна. Для него это снова было чествование рабочего, а не просто документирование стройки. Часто он снимал рабочих в очень опасных ситуациях, когда они рисковали жизнью — и он вместе с

ними. Чтобы создать наилучшие точки съемки, Хайн работал в том числе в специальной корзине, которая висела в трехстах метрах над Пятой авеню.

Когда началась Великая депрессия, Хайн снова начал сотрудничать с американским Красным Крестом, снимал засуху на юге США. Для Управления долины Теннесси снимал жизнь в горах на востоке штата. В 1936 году он работал на Управление промышленно-строительными работами общественного назначения — ведущее агентство по трудоустройству миллионов безработных после финансового кризиса, одну из движущих сил Нового экономического курса Франклина Рузвельта. Но работа Хайна над этим проектом не была завершена.

Фото: The Granger Collection / ТАСС

Съемка строительства Эмпайр-стейт-билдинг не спасла фотографа от безденежья, хотя теперь его фотографии хранятся в коллекции музея «Метрополитен».

Последние годы жизни фотографа оказались омрачены финансовыми проблемами, и в сентябре 1939 года он потерял право выкупа заложенного дома. Вскоре после этого умерла его жена. Он прожил еще немного и умер

в ноябре 1940-го, после операции в больнице в Нью-Йорке.

«Когда Хайн стремился изменить условия труда, он помог изменить сознание. Когда он стремился изменить сознание, он не изменил ничего», —

подытожил роль Хайна в формировании современной картины мира историк, профессор Университета Британской Колумбии **Питер Сейшас**.

Камиль АЙСИН

355 руб.

НОВАЯ КНИГА

Распространение профсоюзной информации в социальных сетях имеет целый ряд особенностей и нюансов, которые необходимо учитывать для повышения эффективности информационной работы. Будучи деятельными практиками, авторы книги «**SMM для профсоюзных организаций**» постарались максимально доступно, на реальных примерах объяснить, как этого добиться.

На бескрайних просторах интернета можно найти множество курсов, посвященных продвижению в социальных сетях. Полки в книжных магазинах ломятся от разнообразной литературы на модную тему.

ЧЕМ ЖЕ КРУЧЕ НАША КНИГА?

- 1** Она написана просто, понятно и коротко, как и требуется для профсоюзных активистов, не располагающих большим запасом свободного времени.
- 2** В ней рассказывается о позиционировании и продвижении в соцсетях именно профсоюзных организаций. С учетом всей специфики, плюсов/минусов профсоюзной структуры и финансов.
- 3** Эта книга — чисто практическое пособие, без излишнего теоретизирования: меньше слов — больше дела!

Для заказов: **8-800-777-84-26**, sales@solidarnost.org, shop.solidarnost.org

ФЕДЕРАЦИЯ НЕЗАВИСИМЫХ ПРОФСОЮЗОВ РОССИИ ЭТО:

144 766

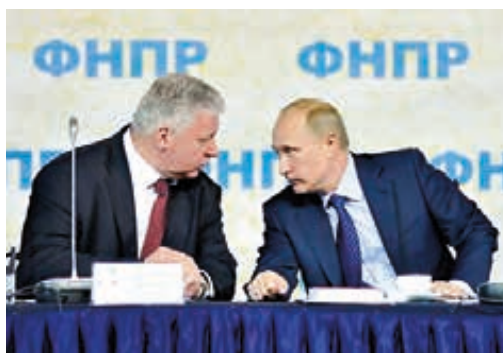
ПЕРВИЧНЫХ
ПРОФОРГАНИЗАЦИЙ

82

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ
ПРОФОБЪЕДИНЕНИЯ

40

ОТРАСЛЕВЫХ
ПРОФСОЮЗОВ

Юридическая
консультация:

+7 (495) 938-84-39

Справки по письмам:

+7 (495) 938-88-24

Прием почты:

+7 (495) 938-78-99